

ИКАНСКІЙ БОЙ

4, 5 и 6 декабря 1864 года

РАЗСКАЗЪ О ГЕРОЙСКОМЪ ПОДВИГѢ УРАЛЬСКОЙ СОТНИ

СОСТАВИЛЪ

МИХАИЛЪ ХОРОШИНЪ

С.-ПЕТЕРБУРГЪ

ТИПОГРАФИЯ А. С. СУВОРИНА. ЗРТЕЛЕВЪ ПЕР., Д. 11—2

1884

*Доблестнымъ сынамъ Урала,
участникамъ блестящаго Иканскаго дѣла
посвящаетъ свой разсказъ составитель.*

Въ Высочайшемъ приказѣ, 7 октября сего 1884 года объявлено: „Въ ознаменованіе особеннаго Монаршаго благоволенія къ подвигамъ мужества и храбрости, оказаннымъ, находившеюся, въ 1864 году, въ составѣ гарнизона города Туркестана, Уральскою казачьею сотнею въ дѣлѣ противъ кокандцевъ 4, 5 и 6 декабря 1864 года подѣ Иканомъ и для увѣковѣченія этого блестящаго дѣла въ памяти Уральскихъ казаковъ, Государь Императоръ Всемилоостивѣйше жалуетъ 4-й сотнѣ Уральскаго казачьяго № 2-го полка знаки отличія на головные уборы съ надписью: „За дѣло подѣ Иканомъ 4, 5 и 6 декабря 1864 года“.

Про это блестящее дѣло я и хочу теперь разсказать.

Лѣтомъ 1864 года небольшой отрядъ нашъ выступилъ съ бывшей сырѣ-дарьинской линіи вверхъ по р. Сырѣ-Дарьѣ и 12 іюня прину-

диль коканцевъ сдать городъ Туркестанъ, имѣвшій среди населенія Средней Азіи значеніе по своимъ святынямъ. Потеря этого города и занятіе его „невѣрными“ для мусульманскаго населенія была тяжела. Это былъ первый городъ, занятый нашими войсками въ Средней Азіи.

Нѣсколькими днями ранѣе взятія Туркестана, другой отрядъ, со стороны Семирѣченскаго края, взялъ коканскую крѣпость Ауліету. Затѣмъ изъ обоихъ отрядовъ былъ составленъ одинъ, который и направился къ другому, укрѣпленному коканскому городу Чемкенту, лежащему на дорогѣ къ городу Ташкенту; взявъ его послѣ непродолжительной осады штурмомъ, отрядъ продолжалъ наступленіе къ Ташкенту. Однако, попытка 2 октября взять этотъ многолюдный городъ, и къ тому же занятый довольно значительными непріятельскими силами, была отбита, отрядъ отошелъ къ Чемкенту въ ожиданіи подкрѣпленій.

На усиленіе этого передоваго отряда изъ форта Перовскаго, главнаго укрѣпленія тогдашней сыръ-дарьинской линіи, была послана Уральская сотня, подъ начальствомъ есаула Сѣрова, та самая, которая вскорѣ покрыла себя

славою. Казаки получили тогдашнія драгунскія наръзные ружья, заряжающіяся съ дула, со штыками. 1-го декабря Сѣровъ вступилъ въ городъ Туркестанъ.

Между тѣмъ въ окрестностяхъ этого города далеко не все было покойно. Ходили слухи, что непріятель, ободренный нашею неудачею подъ Ташкентомъ, собираетъ силы въ этомъ городѣ; въ окрестностяхъ Чемкента и даже ближе къ Туркестану стали бродить шайки, такъ что сообщенія между городами были не безопасны.

Въ это время въ Туркестанѣ снаряжался транспортъ для передоваго отряда въ Чемкентъ; въ прикрытіе этого транспорта и назначалась Уральская сотня. Носились слухи, что тогдашній правитель коканскаго ханства, Алимкуль, покинулъ Ташкентъ и отправился къ себѣ въ ханство съ собраннымъ войскомъ усмирять какое-то волненіе; народъ въ занятыхъ нами мѣстахъ относился къ намъ крайне недовѣрчиво и все чего-то ждалъ...

Скоро пронесся слухъ, что вблизи отъ Туркестана появилась шайка въ нѣсколько сотъ человѣкъ. Нужно было провѣрить этотъ слухъ, разбить и истребить шайку и тогда уже отпра-

влять впередъ транспортъ, которому предстояло пройти около 150 верстъ до Чемкента.

Но слухи эти не вполне передавали все, что дѣйствительно было. Какъ потомъ объяснилось, Алимкулъ, собравъ все, что можно было только собрать въ Ташкентѣ, рѣшился на весьма смѣлое предпріятіе: онъ задумалъ быстро пройти мимо Чемкента и внезапно напасть на Туркестанъ, укрѣпленія котораго были не вполне исправлены и жители котораго могли оказать ему содѣйствіе. Распустивъ слухъ, что онъ идетъ къ себѣ въ Коканъ, на югъ, Алимкулъ, на самомъ дѣлѣ, пошелъ на сѣверъ; передовыя шайки его ловко накрывали выставленные отдѣльные посты киргизъ — туземцевъ на дорогѣ изъ Чемкента въ Туркестанъ; намъ не отъ кого было получить извѣстія, да къ тому же степь, окружающая всѣ населенныя мѣста, широка.

Послѣ полудня, 4-го декабря, передовыя части Алимкула дошли до Икана, селенія, отстоящаго отъ Туркестана верстахъ въ 20-ти; въ ночь, вѣроятно, подтянулись и остальные и, быть можетъ, утромъ 5-го коканцы появились бы предъ городомъ, гдѣ ихъ никто не ожидалъ.

Но случилось иначе.

Для осмотра всей мѣстности и для истребле-

нія шайки, силы которой опредѣляли отъ 100 до 400 человекъ, комендантъ Туркестана, 4-го декабря, послалъ сотню Сѣрова. 2 оберъ-офицера, 5 урядниковъ, 98 казаковъ, 4 артиллериста, 1 фельдшеръ, 1 фурштатъ и три киргиза верблюдожатыхъ, составили весь нашъ отрядъ; при немъ былъ горный единорогъ, казаки имѣли двойной комплектъ патроновъ; при единорогѣ 42 заряда. Сотня шла съ большими предосторожностями, выславъ разъѣзды; оно и понятно: какъ бы въ подтвержденіе слуховъ, на пути встрѣтилось нѣсколько киргизъ изъ числа бывшихъ на постахъ между Туркестаномъ и Чемкентомъ и благополучно ушедшихъ отъ коканцевъ; изъ словъ ихъ было ясно, что за Иканомъ есть непріятель. Есауль Сѣровъ донесъ коменданту все, что узналъ и, получивъ подтвержденіе прежняго приказанія, ускорилъ свое движеніе къ Икану.

Было около 4 часовъ пополудни; начинало уже темнѣть, когда сотня подходила къ этому поселенію, лежащему на высокомъ мѣстѣ. Равнина отъ селенія была видна на далекое разстояніе и движеніе сотни было уже давно замѣчено коканцами; да и уральцы замѣтили огни около Икана. Сѣровъ остановился, послалъ во-

жака-киргиза впередъ узнать, что это за огни и скоро получилъ отвѣтъ, что это непріятель, который вслѣдъ за тѣмъ бросился на сотню. Но Алимкулъ, думавшій захватить казаковъ врасплохъ, ошибся... Завидѣвъ огни вдали и получивъ подтвержденіе о значительныхъ силахъ, есаулъ Оѣровъ началъ отходить, сотня прошла съ полверсты, успѣла спѣшиться на заранѣ замѣченной позиціи (небольшая канавка), наскоро оградила себя со всѣхъ сторонъ и дружно встрѣтила натискъ мѣткимъ и частымъ ружейнымъ огнемъ и картечью единорога.

Ошеломленный неожиданнымъ отпоромъ, потерявшій сразу много убитыми и ранеными, непріятель отхлынулъ прочь. Но вслѣдъ затѣмъ съ новою яростію, съ криками „алла“, коканцы ринулись на горсть храбрецовъ. Опять дружный огонь казаковъ, картечь единорога охладили пылъ нападающихъ и заставили повернуть назадъ. Въ третій разъ повторился бѣшенный напоръ и съ такимъ же успѣхомъ; два раза еще повторялись и все неудачно атаки...

Коканцы понесли потери довольно значительныя: много перебито предводителей и начальниковъ.

Хотя непріятель и не возобновлялъ нападеній, но положеніе отряда не улучшилось. Обь отступленіи ночью нечего было и думать, нужно было оставаться на мѣстѣ и ждать выручки изъ Туркестана, а до того, сколько можно, укрѣпиться. Изъ мѣшковъ, изъ убитыхъ лошадей стали строить завалы.

Между тѣмъ коканцы открыли огонь изъ орудій и фальконетовъ (небольшія пушки, менѣе горныхъ единороговъ); гранаты и ядра довольно близко ложились и били лошадей, но, къ счастью, не задѣвали людей. Обь отдыхѣ, не говоря уже о снѣ, и думать было нечего: пользуясь темнотою, пѣшіе коканцы могли незамѣтно подкрасться къ отряду и съ близкаго разстоянія броситься на казаковъ. Съ напряженнымъ вниманіемъ каждый казакъ вглядывался въ окружающую темноту, чутко прислушивался ко всякому шороху и звуку. Долго, безконечно долго, тянулась ночь среди орудійной и ружейной пальбы, среди напряженнаго вниманія. Однако духомъ не падали. Въ числѣ казаковъ были люди и бывалые, многіе находились уже болѣе 15 лѣтъ на службѣ, сдѣлали не одинъ походъ, были подъ Севастополемъ, бились ранѣе и съ коканцами, имѣли и знаки

отличія военнаго ордена. Благодаря спокойствію, распорядительности командира, офицера, ободренію старослуживыхъ и новички не унывали, твердо рассчитывая на свое превосходство надъ противникомъ, какъ бы онъ ни былъ многочисленъ и золь....

Къ сожалѣнію, послѣ 8-го выстрѣла, ночью колесо единорога сломалось; сняли колесо съ передка и кое какъ приладили, однако, и въ этомъ положеніи единорогъ принесъ не много пользы. Пришлось его на своихъ спинахъ перетаскивать съ мѣста на мѣсто.

Прошла наконецъ и долгая ночь. Наступившее утро доставило лишь одно облегченіе: отрядъ могъ видѣть, что дѣлается у противника, который не могъ уже внезапно напасть. Казаки успѣли устроиться, но голодъ и особенно жажда начинали давать о себѣ знать.

Хотя стрѣльба и продолжалась, но, по внушенію начальниковъ и опытныхъ казаковъ, люди берегли каждую пулю; только сохранивъ патроны, казаки были увѣрены, что удержатъ противника на почтительномъ разстояніи. Стрѣляли по отдѣльнымъ смѣльчакамъ, приближавшимся къ отряду (не одинъ изъ нихъ поплатился за свою попытку), били по орудійной

прислугѣ, били, наконецъ, по начальникамъ, насколько ихъ можно было замѣтить по расшитымъ халатамъ, чалмамъ, богатымъ сѣдельнымъ уборамъ; такъ напр., удалось подбить лошадь подъ самымъ Алимкуломъ. Огонь противника, особенно артиллерійскій, все болѣе и болѣе усиливался; изъ единорога же съ нашей стороны для сбереженія снарядовъ (а ихъ всего то было взято 42)—не стрѣляли. Такъ тянулся одинъ часъ за другимъ въ мучительномъ ожиданіи выручки. Между тѣмъ видно было, что толпы непріятеля потянулись на сѣверъ: это они пошли къ Туркестану. Въ отрядѣ стали оказываться и раненые; лошади многіе были перебиты.

Но вотъ движеніе среди непріятеля усилилось... чу! издалека отъ города донесся отдаленный гулъ орудійнаго выстрѣла... Что это? Идетъ ли выручка или же началась стрѣльба со стѣнъ Туркестана по подступившимъ коканцамъ. Смутныя чувства волновали храбрецовъ, заброшенныхъ среди непріятеля. Опять выстрѣлъ, и какъ будто слышнѣе, какъ будто громче... Прошло съ часъ времени; казалось, казаки не слышали звука своихъ и коканскихъ выстрѣловъ и все ловили звуки оттуда, со стороны

•

города. Но вотъ раздался выстрѣлъ ближе... ясно, что это идетъ выручка! Все ожило, встре-пенулось, всякій чувствовалъ, что онъ не покинуть, что объ отрядѣ вспомнили и спѣшать избавить изъ бѣды... Все громче и громче разносился гулъ орудій, слышалось по временамъ и отдаленная ружейная трескотня; все большими и большими надеждами оживали казаки. А между тѣмъ по казакамъ непріятель стрѣлялъ часто и точно нарочно старался сорвать свою злобу; казалось, что вѣрная добыча уйдетъ изъ его рукъ....

Въ два часа пополудни выстрѣлы слышались уже близко. Всѣ ждали, что вотъ-вотъ изъ за бугра покажутся знакомые штыки. Но стрѣльба стала затихать, какъ будто даже и отдаляться. Что-же это значить? Неужели выручка не дошла; да, вѣдь, гулъ артиллерійской стрѣльбы указывалъ, что бьются еще молодцы-казаки. Вѣдь, не могъ же отрядъ не слышать этого, не могъ же онъ представить, что сотня сидитъ въ крѣпости, или вся уничтожена...

А между тѣмъ выстрѣлы замѣтно затихали и, наконецъ, ихъ не стало слышно.... Обманулись казаки! нѣтъ имъ помощи.... они опять должны бороться и биться одними своими си-

лами. Тяжело отозвалось все это на людяхъ, но они духомъ не упали; какъ прежде, прямо, смѣло взглянули въ лицо смерти и рѣшились дорого продать свою жизнь, а живымъ въ руки на посрамленіе и поруганіе басурману не даваться. Кичливый Алимкулъ шлетъ записку: „Куда теперь уйдешь отъ меня? писалъ онъ, — отрядъ, высланный изъ Азрета (такъ называется Туркестанъ у кокандцевъ) разбитъ и прогнанъ назадъ; изъ тысячи твоего отряда (видно Алимкулъ одного казака считалъ за десятерыхъ, да и какъ не считать такихъ молодцовъ?) не останется ни одного. Сдайся и прими нашу вѣру; никого не обижу (какая насмѣшка!)“. Какой отвѣтъ могли дать наши казаки? Записку есауль Сѣровъ оставилъ у себя, а послѣ отослалъ въ крѣпость и на мирныя предложенія уральцы отвѣтили мѣткимъ огнемъ.... Опять начали бой: одни со злобою на неудачу, а другіе—съ твердою рѣшимостью пасть, но не сдаться.

Здѣсь я долженъ нѣсколько оторваться и рассказать, что же дѣлалось въ Туркестанѣ.

Нѣсколько часовъ спустя по отправкѣ сотни, стало все болѣе и болѣе выясняться, что казаки

натолкнуться на значительныя силы кокандцевъ. Послали съ приказаніемъ есаулу Сѣрову, чтобы, въ случаѣ встрѣчи съ значительными силами, онъ остановился въ разрушенной крѣпости Тышанахъ, только въ верстахъ въ 10 отъ Туркестана и наблюдалъ за движеніемъ непріятеля. Но было уже поздно; посланный не доѣхалъ, а часовъ въ 5 пополудни въ крѣпости услышали и отдаленный гулъ орудійной стрѣльбы, не умолкавшій всю ночь и слышавшійся все съ одного мѣста, что указывало, что сотня стоитъ и отбивается.

Комендантъ былъ въ затрудненіи; у него оставалось всего 2¹/₂ роты, нѣсколько орудій, вполне положиться на жителей, лишь полгода назадъ покоренныхъ, было трудно.

Въ 11 часовъ утра, на другой день, т. е. 5 декабря, изъ города выступилъ отрядъ изъ 152 человекъ пѣхоты, 8 казаковъ, съ 2-мя легкими орудіями. Начальнику его приказано было помочь сотнѣ съ тѣмъ однако, что если отрядъ встрѣтитъ значительныя силы непріятеля—преграду для соединенія съ сотнею,—и увидитъ движеніе непріятеля къ Туркестану, то, не выручая сотни, слѣдовалъ бы обратно.

Отойдя версты четыре, отрядъ сталъ замѣ-

чать конныя партіи, а еще далѣе — показались и огромныя толпы наступавшихъ коканцевъ. Завязалась перестрѣлка, которую казаки сотни Сѣрова и слышали. Коканцы, обходя и окружая высланный отрядъ, потянулись къ городу, въ виду котораго, часамъ къ 3-мъ, они и появились. Отрядъ между тѣмъ подвигался впередъ, прошелъ крѣпость Тышанакъ и шелъ на выручку храброй сотнѣ Сѣрова, до которой оставалось какихъ нибудь версты 3 или 4. Непріятель ожесточенно напиралъ, окружая со всѣхъ сторонъ наступающій отрядъ; новыя подкрѣпленія подходили, чтобы заградить дорогу къ изнемогающимъ казакамъ.

Въ силу даннаго приказанія, встрѣтятся съ массами коканцевъ, начальникъ отряда началъ отходить назадъ, преслѣдуемый торжествовавшимъ непріателемъ почти до города, куда отрядъ вернулся уже вечеромъ въ 6 часовъ. Ударили тревогу въ городѣ, аксакалы (старшины) просили помощи; въ отдаленныхъ садахъ появился непріятель, и трубные звуки его слышались даже въ цитадели, куда свезены были семейства всѣхъ; на стѣнахъ города всю ночь стояли дежурныя части, а тамъ, гдѣ-то вдали, все не прерывался орудійный гулъ...

Но вернемся къ сотнѣ.

Получивъ отказъ сдаться, Алимкулъ рѣшился сломить упорство казаковъ. Изъ сотни замѣтили какое то движеніе у непріятеля: подвозили на арбахъ и телѣгахъ камышъ и хворостъ... Казаки стали догадываться, что коканецъ задумываетъ „идти подкатомъ“, прикрываясь арбами.

Но скоро наступившая темнота, закрывъ непріятельскій станъ, снова заставила казаковъ напряженно вглядываться въ сторону непріятеля, который, ободренный успѣхомъ, могъ попытаться броситься штурмовать и задавить своимъ многочисленнымъ горстью стойкихъ молодцовъ. Невеселыя думы передумывали уральцы, сидя за своими завалами и зорко слѣдя за непріателемъ, обложившимъ ихъ со всѣхъ сторонъ... Вѣдь и для героевъ есть предѣлъ возможнаго; казаки уже два дня не ѣли и не пили, а объ отдыхѣ, а тѣмъ болѣе о снѣ и думать было нечего, наконецъ, и патроны приходили къ концу...

Есаулъ Сѣровъ рѣшилъ послать вѣсти о себѣ въ городъ, не зная, что тамъ дѣлается. Казаки Андрей Борисовъ, Павелъ Мизиновъ и Варфоломей Коноваловъ вызвались на это трудное дѣло. Мизинуву, какъ слабому здоровьемъ, отказали. Двое остальныхъ, съ киргизомъ Ахме-

томъ, живо снарядились: надѣли поверхъ своихъ полушубковъ ружья, офицеры дали имъ револьверы и, провожаемые благими пожеланіями, они тронулись верхами и пропали въ темнотѣ. Но скоро казаки вернулись, наткнувшись на коканскій пикетъ и давъ по нему выстрѣлъ; это ихъ однако не охладило: опять тѣже Борисовъ *). Ахметъ, съ новымъ спутникомъ, казакомъ Акимомъ Черновымъ, пустились въ другую сторону и на этотъ разъ удачно пробрались среди рыскавшихъ партій коканцевъ. Въ 9 часовъ вечера, словно выходцы съ того свѣта, появились посланные подъ стѣнами города и подали вѣсти изъ отряда. Къ утру 6-го числа коканцы отошли отъ города къ Икану, а въ часъ дня послана была вторично выручка: 207 человекъ пѣхоты, 10 казаковъ съ двумя орудіями.

Отправивъ вторично посланныхъ, отрядъ продолжалъ свое дѣло; надежды не покидали всѣхъ, хотя положеніе становилось все тяжелѣе и тя-

*) Бравый казакъ, 11 лѣтъ предъ тѣмъ познакомился съ коканцами при отбитіи ихъ лагеря подъ Акъ-Мечетью (что нынѣ фортъ Перовскій), за что и награжденъ знакомъ отличія военнаго ордена; былъ и въ Крыму; вызывался пробраться одинъ и пѣшкомъ, но есауль Сѣровъ рѣшилъ для скорости отправить верхомъ.

желѣе. Томила и неизвѣстность исхода смѣлой попытки дать о себѣ знать въ крѣпость; о судьбѣ посланныхъ всякій думалъ, и съ этимъ связывалъ ожиданіе помощи. Понятно, какъ все это заставляло думать и волноваться казакѡвъ.

Стало свѣтать; вдали началъ обрисовываться лагерь противника, а вмѣстѣ съ тѣмъ, казаки замѣтили арбы съ надѣланными на нихъ щитами. Огромныя связки хвороста въ видѣ большихъ валовъ, чтобы удобнѣе ихъ накатывать, были заготовлены въ разныхъ мѣстахъ. Вчерашняя догадка оправдалась: дѣйствительно, „подкатомъ“ задумали идти коканцы.

Положеніе отряда становилось очень труднымъ; халатъ не спасалъ коканца отъ казачьей пули, а за щитомъ было безопасно....

Предупредивъ казакѡвъ о своемъ намѣреніи, достойный командиръ сотни вышелъ впередъ и махнулъ непріятелю рукой, показывая этимъ, что хочетъ вступить въ переговоры. Вышелъ коканецъ съ оружіемъ въ рукахъ, которое по настоянію онъ положилъ. Завязались переговоры: есаулъ Сѣровъ требовалъ вызова Алимкула, чтобы переговаривать съ нимъ; коканецъ предлагалъ самому идти къ нему, говоря, что

онъ властитель; предлагались самыя выгодныя условія для сдачи, обѣщалась награда... Между тѣмъ казаки замѣтили, что щиты стали подвигать, а подъ Сѣрова со стороны подкрадывались трое коканцевъ. „Ваше Благородіе, уходите скорѣе! сейчасъ стрѣлять будемъ!“ кричали казаки и открыли огонь. Цѣль переговоровъ была отчасти достигнута: прошло около двухъ часовъ времени, но все-таки со стороны крѣпости ничего не слышно и не видно...

Съ 7-ми часовъ утра уже закипѣлъ бой, на этотъ разъ отчаянный. Ожесточенный непріятель стрѣлялъ часто и мѣтко, постепенно подходя къ казакамъ. Становилось жутко, сознавалась необходимость поддержки въ трудномъ бою, а поддержки то все нѣтъ! Отрядъ, сохранившійся почти безъ потерь (было нѣсколько раненыхъ), сразу почувствовалъ свое незавидное положеніе.

Къ часу дня всѣ лошади были перебиты, 37 человѣкъ убито, много переранено; четыре отчаянныхъ попытки коканцевъ броситься въ рукопашную были однако отбиты, помощи же все не слышно, хотя по соображеніямъ, если-бы она вышла утромъ, то дошла бы до сотни...

И вотъ, не видя никакой себѣ поддержки и

не находя силъ сдержать своимъ огнемъ все ближе и ближе подходящаго противника, храбрые уральцы рѣшаются на отчаянную попытку: пробиться къ городу или же пасть въ открытомъ бою, они все еще надѣялись на помощь (припомнимъ, помощь въ это только время выступала изъ города). Кромѣ того, нельзя было медлить — зимній день коротокъ, а до города было верстъ 16-ть, пройти ихъ надо было за-свѣтло, пока видно и пока можно сдерживать напоръ коканцевъ ружейнымъ огнемъ.

Непріятель былъ изумленъ и просто ошеломленъ, когда горсть героевъ, заклепавъ орудія, переломавъ ненужныя ружья, съ криками ура! выскочила изъ за своихъ заваловъ; но коканцы скоро увидѣли, что вмѣсто сотенъ людей, которыя они насчитывали у русскихъ („у страха глаза велики“), на самомъ дѣлѣ оказались лишь десятки; и съ дикими криками ринулся противникъ за кучкой храбрецовъ. Мѣткій огонь, однако, заставилъ не очень то близко подходить. Тогда непріятельскіе всадники сажаютъ на крупы лошадей пѣшихъ стрѣлковъ (сарбазовъ), заскакиваютъ впередъ, ссаживаютъ ихъ, и сарбазы со всѣхъ сторонъ начинаютъ разстрѣливать отходящихъ уральцевъ.

И вотъ, когда кто либо изъ этихъ героевъ, утомленныхъ предыдущимъ боемъ, истекая кровью и лишаясь послѣднихъ силъ, падалъ на землю, то, какъ хищные звѣри, съ неистовыми криками отдѣлялись изъ толпы конные всадники и бросались на свою безпомощную жертву; вѣдь, съ нею легко уже было справиться... всякій спѣшитъ отрѣзать голову, чтобы скорѣе представить начальству, какъ доказательство своей храбрости и удалства, достойныхъ награды. И казаки награждали коканцевъ за ихъ усердіе: не одинъ изъ такихъ „героевъ“ рядомъ въ своимъ трофеемъ слагалъ и свою голову, пораженный мѣткимъ выстрѣломъ уральца, хотя и ослабѣвшаго, но все еще страшнаго противнику. Потомъ, уже въ выстрѣловъ казачьихъ, коканцы свободно насмѣхались и надругались надъ обезглавленными трупами.

Всякій пойметъ, какое тяжелое чувство испытывалъ каждый, видя поруганіе надъ своими братьями и товарищами и сознавая, что вотъ-вотъ и онъ будетъ брошенъ, покинутъ, такъ какъ нести своихъ раненыхъ не было никакой возможности.

Всякій шель, пока были силы. Казакъ сознавалъ, что разъ онъ отдѣлился отъ своихъ —

неминуемая смерть ждала его сейчас же, въ глазахъ товарищей, сердце которыхъ болѣзненно сжималось при видѣ поруганія надъ беззащитными ранеными.

Все тяжелѣе и тяжелѣе становилось отсутствующимъ, когда тотъ или другой, выбившись изъ силъ, истекая кровью, или подбитый въ ноги, падалъ въ изнеможеніи.... „Прощай товарищъ!“ и всякій крѣпче сжималъ винтовку, чтобы послать пулю коканцу, наскაკивающему на упавшаго казака.

Такъ продолжалось отступленіе. Прошелъ часъ, прошелъ и другой. Бойцовъ становилось все меньше и меньше; чѣмъ далѣе, тѣмъ число раненыхъ становилось больше; многіе получили по двѣ, по три раны, многихъ вели подъ руки, другіе же придерживались за товарищей. Про голодъ и жажду, про усталость отъ бессонныхъ ночей — забыли; была одна только забота — идти впередъ и дороже, какъ можно дороже, продать свою жизнь. Движеніе все болѣе и болѣе замедлялось, — нельзя было двигаться скорѣе, многіе еле передвигали ноги; пройдя уже три часа — казаки отошли всего на 8 верстъ.

Съ каждою минутою положеніе становилось

все труднѣе и труднѣе; впереди еще нужно было пройти болѣе 10 верстъ, а короткій зимній день шель къ концу. Всѣ были измучены, всѣ были въ крови, всякій видѣлъ, какая участь ждетъ его, если шальная пуля поранить хотя бы и въ ногу. Падалъ казакъ, его товарищи, напрягая силы, ломали ружье, чтобы и оно не досталась врагу. Кровавый слѣдъ, поломанныя ружья, да трупы—обозначали путь уральцевъ.

Послѣднею жертвою отряда былъ сотникъ Абрамичевъ; первая пуля попала въ високъ,—онъ шель подъ руку; вторая пуля ударила въ бокъ,—онъ продолжалъ идти, пока пули разомъ не хватили въ обѣ ноги, и онъ упалъ. „Рубите скорѣе голову, не могу идти“, были его послѣднія слова. Послѣ, собирая растерзанные трупы, едва узнали его, да и то по окровавленному клочку кармана.

Начинало уже темнѣть, было около 4 часовъ пополудни; всякій напрягалъ послѣднія силы и шель... Но вотъ послышалась ружейная стрѣльба; скоро толпы коканцевъ со стороны города отхлынули прочь въ разныя стороны и вдали показались бѣгущіе на встрѣчу солдаты...

Кто можетъ выразить радость казаковъ... Тя-

желая ноша свалилась съ каждаго, всѣ крестились, обнимались и цѣловались.

Начали считать оставшихся: изъ двухъ офицеровъ—одинъ убитъ, другой,—доблестный командиръ сотни,—раненъ въ спину и контуженъ въ шею; пальто было прострѣлено въ 8 мѣстахъ; изъ 5 урядниковъ — 4 убито, а 1 раненъ; изъ 98 казаковъ — 50 убито, 36 ранено, 4 артиллериста ранены, фельдшеръ, фурштатъ и возжакъ изъ киргизъ — убиты; нѣкоторые имѣли по 5 и 6 ранъ. Очевидно, что помощь подошла во время: казаки такъ ослабѣли, что не могли уже идти и ихъ повезли на высланныхъ подводахъ; въ крѣпость доставили уже въ 7 часовъ вечера и сдали въ лазаретъ, откуда, однако, не всѣ вышли здоровыми—многихъ похоронили вскорѣ.

Такъ окончился Иканскій бой. Непріятель на другой день удалился, а на 4-й день высланъ отрядъ, чтобы собрать трупы павшихъ героевъ; 10-го числа похоронили ихъ въ общей могилѣ.

Почти 20 лѣтъ спустя, лѣтомъ нынѣшняго года, поставленъ памятникъ на полѣ битвы: колонна изъ кирпича, въ 6 аршинъ высотой, на чугунной доскѣ надпись: „Памяти воиновъ, павшихъ подъ Иканомъ въ 1864 году“.

Государь Императоръ щедро наградилъ участниковъ боя: есауль Сѣровъ получилъ чинъ, орденъ св. Георгія 4-й степени; всѣ остальные, оставшіеся въ живыхъ — знаки отличія военнаго ордена.

Для увѣковѣченія же этого блистательнаго дѣла въ настоящемъ году пожалована новая Монаршая награда, приведенная въ началѣ нашего разсказа.

Смѣлая попытка правителя тогдашняго коканскаго ханства Алимкула — быстрымъ движеніемъ изъ Ташкента, мимо Чемкента, прямо къ Туркестану, предъ которымъ онъ могъ появиться утромъ 5-го декабря, и гдѣ уже были его сообщники, — не увѣнчалась успѣхомъ. Коканскія полчища, въ которыхъ было около 10 тысячъ, наткнулись неожиданно на сотню уральцевъ, обнаружили себя, потеряли время, дали подготовиться гарнизону Туркестана и ушли, понеся огромныя потери; а бывшіе въ войскахъ Алимкула разнесли всюду вѣсти о стойкости и храбрости „невѣрныхъ“, гореть которыхъ съумѣла отстоять себя даже въ открытомъ полѣ... какъ же можно было послѣ того рѣшиться на штурмъ крѣпости, если и съ сотнею то не справились?... Герои Икана потомъ служили въ другихъ сот-

*

няхъ Уральскаго войска; такъ, въ 1870 году, въ одной сотнѣ находилось 10 участниковъ этого боя. Въ этой сотнѣ живо сохранялись преданія объ Иканскомъ дѣлѣ и пѣсня, составленная бывшимъ командиромъ этой сотни, есауломъ Александромъ Павловичемъ Хорошхинымъ (убитъ въ дѣлѣ съ коканцами подъ Махрамомъ 22 августа 1875 года). считалась сотенною пѣснею.

Позволяю себѣ привести какъ эту пѣсню („Иканъ“), такъ и стихотвореніе уральца же, Никиты Ѳеодоровича Савичева („Иканскимъ героямъ“).

И к а н ъ *).

Въ степи широкой, подъ Иканомъ,
Насъ окружилъ коканецъ злой,
И двое сутокъ съ басурманомъ
У насъ кипѣлъ кровавый бой.
Мы залегли... Свистѣли пули
И ядра рвали все въ куски,
Но мы и глазомъ не моргнули —
Стояли мы... Мы — казаки.

*) Стихотвореніе это исправлено по указаніямъ составителя.

И смерть носилась, мы рѣдѣли;
Геройски все стоялъ казакъ;
Про плѣнъ мы слышать не хотѣли
(А этого желалъ нашъ врагъ).
Держались мы два дня, двѣ ночи,
Двѣ ночи долгія, какъ годъ,
Въ крови и не смыкая очи.
Затѣмъ мы ринулись впередъ...
Вокругъ валились наши братья,
Коканецъ кожу съ нихъ сдиралъ
И басурманское проклятье
Во слѣдъ намъ съ пулей посылалъ...
Свинцомъ пробитые лежали
Герои наши здѣсь и тамъ,
И снѣгъ съ презрѣніемъ бросали
Горстymi въ лицо своимъ врагамъ.
И обезглавленное тѣло
Рубилъ врагъ въ мелкіе куски...
Но мы не дрогнули... и смѣло
Всѣ ждали смерть, какъ казаки.
И снявши голову героя,
Злодѣй къ сѣдлу её вязалъ.
Чтобъ похвалиться послѣ боя,
Какъ онъ съ лежащимъ воевалъ...
Но вотъ въ степной дали сверкнули
Родные русскіе штыки

И всѣ отраднѣе вздохнули,
Перекрестились казаки...
Потомъ взглянули братъ на брата,
И грустно стало: — многихъ нѣтъ...
И всѣ они у супостата,
И къ нимъ ведетъ кровавый слѣдъ...
И слѣдомъ этимъ отступая,
Врагъ трупы мерзлые терзаетъ...
Но наши головы собирая,
Своихъ онъ больше насбиралъ...
И мертвыхъ длиннымъ караваномъ
(Намъ послѣ сказывали такъ),
Покончивъ бойню подъ Иканомъ,
Повезъ въ подарокъ хану врагъ...
А мы, собравъ тѣла героевъ,
Могилу вырыли, и въ ней
Для мира, вѣчнаго покоя
Зарыли всѣхъ богатырей...
И маръ насыпали надъ ними —
Пусть вѣки-вѣчные стоятъ,
И громко съ вѣтрами степными
О нашей славы говорятъ.
Пусть говорятъ, какъ подъ Иканомъ
Насъ окружилъ коканецъ злой,
И какъ мы бились съ басурманомъ
За славу родины святой...

А вотъ и другое привѣтствіе, посвященное командиру сотни, Василию Родіоновичу Сѣрову.

Иканскимъ героямъ.

Хвала вамъ, Уральцы, герои Икана!
Вы славу умножили предковъ своихъ,
Давно побѣдившихъ врага басурмана
За быстрымъ Ураломъ, въ пустыняхъ степныхъ.

И сколько же мужества, нравственной силы,
Къ Престолу, къ отчизнѣ высокой любви
Оказано вами на краѣ могилы,
При видѣ товарищей, павшихъ въ крови!

Вашъ маленькій лагерь былъ въ полѣ обложенъ,
Какъ островъ волнами морскими кругомъ,
И путь къ отступленію былъ загороженъ
Стократно сильнѣйшимъ, свирѣпымъ врагомъ.

Безъ сна и безъ пищи три дня отражали
Вы дикихъ коканцевъ стрѣльбу и напоръ;
Напрасно вамъ сдаться они предлагали —
Съ презрѣньемъ отвергли вы ихъ договоръ.

Предъ явною смертію вы духомъ не пали.
Начальникъ сказалъ вамъ: „умремъ или уйдемъ“.
„Умремъ всѣ, но съ честью!“ вы дружно вскричали,
И ринулись смѣло впередъ на проломъ.

На мигъ непріятель пришелъ въ изумленье,
Геройскою дерзостью былъ пораженъ;
Но тотчасъ коканцы пришли въ изступленье,
Сплотились, стѣснили со всѣхъ васъ сторонъ.

Возможно-ль представить ужаснѣй картину!
Въ упоръ въ васъ стрѣляли и сбить не могли...
Вы кровью смочили степную равнину,
Дорогой кровавой верстъ восемь прошли.

Герои всѣ вмѣстѣ и каждый отдѣльно, —
Никто, умирая, изъ васъ не стоналъ,
И раненый, только еще не смертельно,
До раны смертельной отважно стоялъ.

Одежду всю верхнюю вы побросали —
Такъ жарко вамъ было подъ градомъ свинца;
Убитыхъ товарищей ружья ломали,
Сражаясь упорно съ врагомъ до конца...

Хвала вамъ, иканцы, и честь вамъ по праву!
Вы правы предъ долгомъ и русскимъ царемъ,
И знамени войска доставивши славу,
Вы многое дали потомкамъ взаёмъ.

Пройдутъ года; изустныя рассказы о завоеваніи Туркестанскаго края нашими войсками, объ ихъ подвигахъ, мужествѣ, храбрости и стойкости, мало по малу изсякнутъ и станутъ достояніемъ письменныхъ повѣтствованій.

Историкъ, описывая вѣковое, могучее движеніе русскаго народа на востокъ, въ глубину Средней Азіи, отмѣтитъ то быстрое расширеніе нашихъ границъ, какое сдѣлано въ послѣднія 40 лѣтъ и особенно начиная съ 1864 года. Онъ укажетъ, какъ русскія войска, утвердившись, назадъ тому 40 лѣтъ, въ низовьяхъ рѣки Сыръ-Дарьи, вскорѣ взяли Акъ-Мечеть (нынѣ фортъ Перовскій), впервые столкнувшись здѣсь съ скопищемъ кокандцевъ. Онъ опишетъ, какъ послѣ занятія города Туркестана, въ 1864 году, завоеванія слѣдовали одно за другимъ, такъ что одинадцать лѣтъ спустя русскія войска торжественно вступали въ столицы Кокана и Хивы, а когда то сильной Бухарѣ обрѣзаны были крылья;—какъ даже считавшійся недоступнымъ Мервъ самъ просился подъ высокую державу Вѣлаго Царя;—какъ, наконецъ, въ теченіи послѣднихъ 20 лѣтъ границы государства отъ Аральскаго моря и низовій Сыръ-Дарьи передвинулись на тысячи верстъ къ неприступнымъ горамъ на рубежѣ Китая и Авганистана.

Въ тысячилѣтней жизни нашего отечества немного найдется примѣровъ такихъ быстрыхъ и обширныхъ завоеваній, совершенныхъ въ столь короткій срокъ.

Но такое наступательное движеніе сопровождалось цѣлымъ рядомъ войнъ, походовъ, во время которыхъ не одинъ подвигъ мужества, отваги и самоотверженія совершилъ нашъ доблестный воинъ, истинный сынъ своего народа. Этому представителю силы и мощи нашей родины пришлось выдерживать не только борьбу съ живымъ врагомъ, но и преодолѣть обширныя пустыни, выносить голодъ и жажду, созидать своими руками укрѣпленія, строить себѣ жилища, прокладывать дороги.

Въ блестящей картинѣ нашего завоеванія Туркестанскаго края, которую нарисуетъ будущій историкъ, словно яркія, большія звѣзды будутъ блистать подвиги нашихъ войскъ, какъ при взятіи Ташкента, Джизака, Самарканда, Хивы, Геокъ-Тепе и многихъ другихъ городовъ и крѣпостей, такъ и въ бояхъ подъ Ирджаромъ, Зера-Булакомъ, Махрамомъ и съ сотнѣ другихъ славныхъ дѣлъ. Въ этой же картинѣ, и тоже какъ яркая звѣзда — будетъ блестѣть и только что описанный мною геройскій подвигъ сотни Сѣрова подъ Иканомъ.

Съ самаго своего появленія на берегахъ Урала, казаки стали на стражѣ земли русской со

стороны Азии. Уже болѣе 280 лѣтъ тому назадъ, они съ Нечаемъ во главѣ, были у Аральскаго моря, воюя съ Хивою; затѣмъ, съ царскими войсками, исполняя державную волю Петра Великаго, они снова проникли въ Хиву, и здѣсь сложили свою голову, какъ и ихъ отважные предшественники при Нечаѣ. Во всѣхъ важнѣйшихъ походахъ и войнахъ послѣдующаго времени и вообще въ завоеваніи Туркестанскаго края, уральцы были вмѣстѣ съ другими нашими войсками. Вмѣстѣ съ ними они дѣлили трудъ, терпѣли лишенія, невзгоды. Вмѣстѣ же съ ними уральцы имѣютъ право и раздѣлить славу.

Въ общей картинѣ завоеванія Туркестанскаго края, о которой я сказалъ выше, частичка общаго блеска принадлежитъ и уральцамъ; но та звѣзда, которую назовемъ Иканомъ, составляя общую принадлежность всей нашей арміи, въ тоже время составляетъ нераздѣльную собственность однихъ только уральцевъ. Во этомъ кроется все значеніе этого подвига для каждаго уральскаго казака. Въ трехсотлѣтней же боевой жизни и службы Престолу и отечеству Уральскаго войска, описанный геройскій под-

вигъ займетъ одно изъ самыхъ видныхъ мѣстъ и будетъ служить украшеніемъ боевой лѣтописи войска.

Хвала и честь вамъ, иканскіе богатыри, честно порабатавшіе на славу и величіе отечества и роднаго войска!

годный сѣмя на такіа-же негодный, лучше всего было-бы разъяснить „прирожденнымъ“ сельскимъ хозяевамъ всю важность выбора для посѣвовъ лучшихъ по качеству сѣмянъ, указать признаки этихъ лучшихъ сѣмянъ и выработать способы полученія ихъ. Доказать туземцамъ-хлопководамъ, что полновѣсное, зрѣлое хлопковое сѣмя должно предпочтительно идти на нужды посѣва, легковѣсное-же—на нужды отопленія, а не наоборотъ, какъ это практикуется въ Ферганѣ и Самаркандской области... Свѣта знанія требуютъ мѣстные способы воздѣлыванія культурныхъ растений, а не торопливыхъ, малообдуманныхъ мѣръ. — 3—ъ.

Н.-Маргеланъ.

(Корр. „Окраины“)

2-го іюня, въ 7 часовъ вечера, въ Н.-Маргеланѣ совершилось давно ожидаемое событіе — открытіе земляныхъ работъ на участкѣ желѣзной дороги Кокандъ-Андижанъ. Открытіе работъ произошло на мѣстѣ, предназначенномъ для станціи Н.-Маргеланъ, вблизи города на зеленой травянистой ровной площади, у такъ-называемаго „Питомника“. Къ назначенному времени къ мѣсту открытія потянулись изъ города жители. Сквозь „Питомникъ“ отъ дороги сдѣлана и выровнена просѣлка для проѣзда. При въѣздѣ въ просѣлку воздвигнута арка, обвитая зеленью и декорированная щитами и флагами. Вся просѣлка украшена флагами. Вдали высится нѣчто въ родѣ шатра—шесты, обвитые зеленью, декорированные флагами, щитами и обтянутые полосами краснаго коленкора, на которыхъ съ четырехъ сторонъ ярко выдѣляются золотыя и бѣлыя слова: „Ст. Н.-Маргеланъ“ и „2-го іюня 1896 г.“ Публика оживлена; два фотографа устанавливаютъ аппараты. Кругомъ разстелается зеленая площадь дуга. Вблизи зеленѣетъ роща-питомникъ съ густою травой по грудь человѣку; у опушки ея тянется длинный рядъ столовъ со

стульями. Оркестръ военной музыки стоитъ тутъ-же. Вдали густая зелень городскихъ садовъ съ проглядывающими кое-гдѣ бѣлыми стѣнами домовъ, а еще далѣе вздымается величественной, массивной зубчатой стѣной хребетъ Алайскихъ горъ съ бѣлыми площадями снѣговъ на вершинахъ и по бокамъ; надъ горами и по верхамъ ихъ лежатъ кучевыя облака. Солнце вышло изъ-за сплошныхъ тучъ на голубую лазурь запада и, хотя оно на склонѣ, припекаетъ сильно. Восточный вѣтеръ умѣряетъ солнечный жаръ, въ воздухѣ рѣютъ флаги. Привезли икону, ризы, явилось духовенство и начался молебенъ съ водосвятиемъ въ самомъ шатрѣ, на мѣстѣ зданія будущей станціи. Къ концу молебна освятили тачки и супруга строителя участка инженера Бродскаго высыпала первую кучу земли на мѣстѣ будущаго полотна. Въ то-же время взвился на флагштокъ національный флагъ съ крупною надписью: „Ст. Н.-Маргеланъ“ и затрепеталъ въ воздухѣ вытянувшись по вѣтру. Музыка грянула маршъ. Публика стала расходиться. Приглашенные направились къ столамъ, гдѣ скоро раздалось „ура“ подъ звуки народнаго гимна. Еще въ полночь съ мѣста открытія неслись звуки оживленнаго галона... * *

ИКАНСКІЙ БОЙ.

Случайно встрѣтивъ въ гор. Туркестанѣ двухъ уже стариковъ джигитовъ съ знаками отличія военнаго ордена, я заинтересовался узнать отъ нихъ, за что ими получены эти ордена и отъ словоохотливыхъ туземцевъ услышалъ рассказъ о славномъ Иканскомъ дѣлѣ, за которое они и получили высшую солдатскую награду. Вотъ что рассказали мнѣ объ Иканскомъ боѣ.

3-го декабря 1867 года Уральская казачья сотня есаула Сѣрова, въ составѣ около 90—100 человѣкъ каза-

ковъ, при двухъ офицерахъ съ двумя орудіями, нѣсколькими лщиками и транспортомъ въ 70 верблюдовъ съ печенымъ хлѣбомъ и фуражемъ, двинулась послѣ полдня къ сел. Иканъ, отстоящему отъ г. Туркестана на 25½ версты, съ тѣмъ, чтобы далѣе прослѣдовать въ г. Чимкентъ на соединеніе съ генераломъ Черняевымъ; при выходѣ сотни изъ Туркестана путь до Чимкента былъ свободенъ отъ бродячихъ шаекъ кокандцевъ; около 4-хъ часовъ пополудни, еще до заката солнца, отъ Иканскаго аксакала Ибниамина Суфшейхова, преданнаго Россіи, прискакалъ джигитъ къ коменданту г. Туркестана полковнику Жемчужникову, имѣвшему въ своемъ распоряженіи двѣ роты 4-го линейн. баталіона; джигитъ этотъ сообщилъ, что со стороны Сыр-Дарьи двигается по направленію къ сел. Иканъ большое скопище кокандцевъ и аксакалъ просилъ помощи, чтобы защитить Иканъ отъ нападенія. Полковникъ Жемчужниковъ, на воен-

номъ совѣтѣ 3-го декабря, ночью, порѣшилъ, что покидать г. Туркестанъ, какъ пунктъ наиболѣе важный и защищенный сравнительно небольшимъ отрядомъ, не слѣдуетъ, а потому, чтобы задержать Сѣрова возможно ближе къ Туркестану, около 5 часовъ вечера послалъ киргиза Ашира Кульбаева съ приказаніемъ Сѣрову: если онъ не дошелъ до уроч. Ташанакъ, находящагося въ 12 верстахъ отъ Туркестана, остановиться у этого урочища; такимъ образомъ, по предположенію полковника Жемчужникова, Сѣровъ долженъ былъ составить авангардъ туркестанскаго отряда. Посланный джигитъ догналъ Сѣрова, когда уже стемнѣло около Икана, верстахъ въ 2—3 до него на гладкой равнинѣ; въ этомъ мѣстѣ Сѣровъ остановился потому, что вся впереди лежащая мѣстность была покрыта кострами, а это показалось Сѣрову подозрительнымъ. Отъ мѣста остановки онъ выслалъ 20 человѣкъ казаковъ для развѣдки; приказаніе,

присланное отъ полк. Жемчужникова, онъ не прочиталъ, потому что въ отрядѣ не находили возможнымъ зажигать огонь, чтобы тѣмъ не обнаружить себя; присланный Ашировъ, получилъ свѣжую лошадь и также отправился на развѣдки, но проѣхавъ 1—2 версты, онъ воротился, такъ какъ наткнулся на шайку кокандцевъ въ 300—400 человѣкъ у костровъ; тѣмъ временемъ Сѣровъ окружилъ свой бивуакъ положенными верблюдами, поставилъ въ срединѣ ящикъ и пушки и приготовился къ оборонѣ, занявъ сотней русло арыка; возвратившагося съ развѣдокъ джигита Аширова онъ послалъ въ г. Туркестанъ съ просьбой выслать амч. зарядовъ; видимо, при выступленіи отрядъ не рассчитывалъ на столкновение съ столь значительными силами. Первое сообщеніе о приближающихся кокандцахъ было получено верстахъ въ 2—3 отъ Икана отъ жителей небольшого кишлака Чилика, лежащаго въ 45 верстахъ къ юго-востоку отъ Икана; въ ночь съ 3 на 4 декабря кокандцы открыли ружейный и пушечный огонь; къ утру огонь немного затихъ, но около 7 час. вновь былъ открытъ; казаки отстрѣливались мало, берегли патроны, весь день 4 и 5 декабря шла усиленная подготовка огнемъ атаки; за эти два дня Сѣровъ потерялъ одного офицера и 43 человѣка убитыми и ранеными, добытыми кокандцами по окончаніи боя. Утромъ, 6 декабря, кокандцы, устроивъ большіе туры и двигая ихъ передъ собою, начали отчаянное наступленіе отъ Икана, тогда Сѣровъ, воспользовавшись удобнымъ моментомъ, вышелъ изъ засады и началъ свое геройское отступленіе съ остаткомъ сотни въ 36 человѣкъ; отступленіе происходило перебѣжками, причемъ все время казаки отстрѣливались отъ наступающей массы кокандцевъ; до уроч. Ташанакъ Сѣровъ дошелъ съ 20-тью казаками; въ это-же время къ Ташанаку полк. Жемчужниковъ выс-

лалъ роту 4-го лин. бат., которая и приняла на себя отступающихъ уральцевъ, истомленныхъ трехдневнымъ боемъ.

Кокандскій отрядъ въ силъ 5—8 тысячъ, подъ начальствомъ Алимкула прекратилъ свое преслѣдованіе у Ташанака, встрѣтившись съ регулярной ротой.

Сѣровъ, герой Иканскаго боя, весь изстрѣлянный, 6 декабря прибылъ въ г. Туркестанъ; по счастливой случайности, пули пробили его одежду, но не ранили.

Для увѣковѣченія памяти о столь славномъ дѣлѣ, бывший военный губернаторъ Сыръ-Дарьинской области генералъ-лейтенантъ Гродековъ, приказалъ поставить на томъ мѣстѣ, гдѣ уральскія сотни выдержала трехдневную оборону памятникъ, который въ настоящее время поддерживается и охраняется на средства гор. Туркестана; убитые уральскіе казаки, въ числѣ 68 человекъ, были привезены въ г. Туркестанъ и погребены на кладбищѣ. Въ настоящее время памятникъ надъ ними пришелъ въ полное разрушеніе, надпись окончательно стерлась и требуетъ исправленія. Туркестанская же церковь чтитъ память героев-уральцевъ, положившихъ жизнь свою за вѣру, Царя и отечество: на правой стѣнѣ церкви вѣлана въ стѣну доска изъ чернаго мрамора съ именами и фамиліями героев Икана.

Сложенная про Иканъ пѣсня:

Въ степи широкой, подъ Иканомъ

Насъ окружилъ кокандецъ злой,

И трое сутокъ съ басурманомъ

У насъ кипѣлъ кровавый бой,—

часто, въ минуты грусти, заунывно поется нашими туркестанскими солдатами.

Вѣчная память доблестнымъ борцамъ за честь и славу русскаго оружія, подвиговъ Иканскихъ героев одна изъ лучшихъ страницъ въ исторіи средне-азиатскихъ завоеваній.

Н. К. К—въ,

Шестьдесятъ лѣтъ назадъ.

Совершенно мирное въ наше время Хивинское ханство еще очень недавно вовсе не такъ дружелюбно относилось къ Россіи. Въ майской книжкѣ „Русской Старины“ между прочимъ напечатаны весьма интересные воспоминанія Н. Л. Юдина „Графъ В. А. Перовскій въ Оренбургскомъ краѣ“ и въ статьѣ этой авторъ описываетъ „сѣвскія“ отношенія къ намъ хивинцевъ. Мало того, что купцы наши терпѣли всевозможныя притѣсненія на хивинской территоріи и вынуждены были непремѣнно проводить свои караваны по хивинской землѣ, чтобы ханъ могъ изыскать въ свою пользу налагаемую на товары въ видѣ зикета пошлину, хивинцы держали въ заточеніи и невольниковъ около 2000 плѣнныхъ русскихъ, которые служили предметомъ торга на хивинскихъ базарахъ. Трудно повѣрить, что шестьдесятъ лѣтъ тому назадъ самъ ханъ хивинскій и его знатные сановники не брезгали покупать, держать у себя и продавать рабовъ и наживаться на этомъ товарѣ, такіе какъ нѣры на русскихъ плѣнныхъ стояли промадныя. За одного русскаго невольника среднихъ лѣтъ, способнаго къ работѣ, платили до 300 рублей, тогда какъ плѣнные персiane ходили за полцѣны.

Цѣлымъ нашимъ жутко было въ Хивѣ. Ихъ день и ночь, полураздѣтыми, чуть не голодными, морили на работѣ, истязали, мучили. За побѣгъ въ первый разъ, отрѣзывали уши и носъ, а чтобы плѣнный не убѣжалъ вновь, подрѣзывали ему подошвы ногъ и насыпали туда мелко-изрубленнаго конскаго волоса, отчего при нестерпимой боли, трудно было становиться на ступню. При вторичной же попыткѣ къ бѣгству, виновныхъ сажали на колья живыми зарывали въ землю. Въ

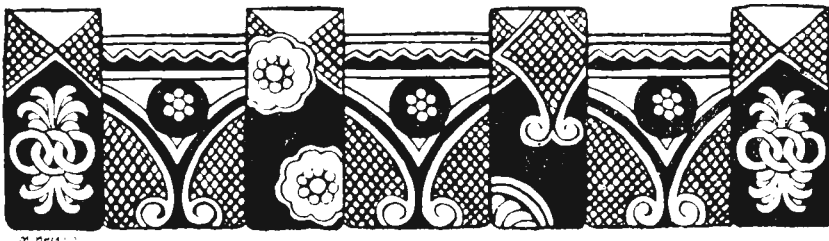
кн. № 625 оренбургскаго централь-

ИСТОРИЧЕСКІЙ
ВѢСТНИКЪ

ИСТОРИКО-
ЛИТЕРАТУРНЫЙ
ЖУРНАЛЪ.

ГОДЪ ДВАДЦАТЬ ПЯТЫЙ.

ДЕКАБРЬ, 1904 Г.

«ПОЗОРНОЕ ДѢЛО»...

(Изъ исторіи Туркестанскихъ войнъ)¹⁾.

ПОЗОРНОЕ утро 4-го декабря 1864 года. Въ наскоро сооруженной крѣпости «Туркестанъ» большое оживленіе: слышится гулъ солдатскихъ голосовъ, ревъ верблюдовъ, ржаніе коней, гортанный говоръ киргизовъ. Это снаряжается транспортъ въ крѣпость Чемкентъ. Одинъ за другимъ съ ревомъ ложились верблюды, побуждаемые къ тому дерганіемъ за «мурундукъ», и киргизы быстро и ловко выючили ихъ. Подполковникъ Жемчужниковъ самъ наблюдалъ за снаря-

¹⁾ 4-го декабря исполняется 40 лѣтъ со дня извѣстнаго дѣла сотни есаула Сѣрова, храбро, но съ большими для себя потерями, отбившейся отъ многотысячнаго отряда кокандцевъ. Подвигъ этотъ воспѣтъ уральцами, занесенъ на страницы исторіи, участники (нѣкоторые живы) достойно награждены, и, наконецъ, среди зыбучихъ песковъ Туркестана, на мѣстѣ, гдѣ храбрая сотня отчаянно отбивалась отъ вражескихъ полчищъ, сооруженъ памятникъ. Но на ряду съ этимъ темнымъ пятномъ вырисовывается поступокъ отряда, посланнаго подъ начальствомъ подпоручика Сукорко на выручку сотни Сѣрова. До сихъ поръ исторія какъ-то замалчиваетъ эту оборотную сторону Иканскаго дѣла, между тѣмъ въ ней много любопытнаго и поучительнаго. Возбужденное противъ подпоручика Сукорко судебное дѣло прежде всего раскрыло недочетъ въ военной организаціи туркестанскихъ войнъ и свидѣлствуетъ о той отчаянной борьбѣ, которую пришлось вести незабвенному генералу М. И. Черняеву съ бюрократическими тенденціями, вкравшимися въ военную среду, а самое главное съ легиономъ недоброжелателей, которыми былъ окруженъ этотъ главный завоеватель Туркестана.

Поэтому, пользуясь предстоящимъ сорокалѣтнимъ юбилеемъ дѣла подъ Иканомъ, мы считаемъ вполнѣ своевременнымъ познакомить съ дѣломъ подпоручика Сукорко, имѣя въ рукахъ архивные документы оренбургскаго генералъ-губернаторства.

Н. П.
12*

женіемъ транспорта и просилъ сотника Свиридова, который долженъ былъ сопровождать его, не рисковать конвоемъ, а осторожнѣе обратиться къ Чемкенту съ важнымъ обозомъ.

Но вотъ зоркіе глаза его замѣтили вдали всадниковъ, карьеромъ приближающихся къ крѣпости.

— Посмотрите, сотникъ, это никакъ караульные киргизы сюда скачутъ... Вѣрно, тревога...

Сотникъ посмотрѣлъ въ степь, открывающуюся съ бруствера, приложилъ руку къ козырьку и отвѣтилъ:

— Это Маметка съ Беримжанкой и Урузбайкой, что были поставлены въ урочищѣ Чиликѣ.

Черезъ 10 минутъ верховые были уже въ крѣпости и легли прямо къ дому коменданта Жемчужникова. Почти кубаремъ свалились съ лошадей у бруствера и, снимая малахаи, разомъ заговорили ломанымъ языкомъ.

— Таксырь, коканда Чиликъ гулялъ... Многа, бекъ-копъ (очень много) пришли...—взволнованно проговорилъ Маметъ...

— Шесть сотенъ будетъ,—перебилъ Урузбай.

— Тыща гуляй,—одновременно произнесъ Беримжанъ.

— Ну, и орда...—проговорилъ Жемчужниковъ, махая рукой на киргизовъ.—Вотъ тутъ и пойми васъ, не то триста, не то тысяча, а, можетъ быть, ни то, ни другое, ни третье, а всего три коканца, а нашимъ малахаемъ показались сотни. Ну, ты, Маметка, говори толкомъ: много коканцевъ въ Чиликѣ?

— Ой, таксырь, копъ, бекъ-копъ (много, очень много).

— Ну, примѣрно вотъ столько,—Жемчужниковъ показалъ на подѣхавшую сотню казаковъ.

— Ой, таксырь, больше, копъ, бекъ-копъ...—моталъ головой Маметка.

— Въ два, три, четыре раза больше?

— Вотъ, таксырь, болша,—сжалъ Маметка въ кулаки обѣ руки.

— Нѣтъ, таксырь,—перебилъ Урузбай:—болша одинъ кулакъ нѣтъ.

Жемчужниковъ тотчасъ же пріостановилъ высылку транспорта и приказалъ сотнѣ уральцевъ немедленно выступить по дорогѣ къ Икану, съ цѣлью опредѣлить силы непріятеля и обезопасить переходъ транспорта до р. Арысь, но, вмѣстѣ съ тѣмъ, приказалъ есаулу Сѣрову, командиру сотни, не вступать въ неравный бой.

Часовъ въ 12 дня сотня уральцевъ, съ артиллеріей, состоящей изъ одного единорога, лихо проскакала по улицѣ крѣпости и скрылась въ садахъ.

Вечеромъ того же дня въ крѣпости былъ услышанъ отдаленный звукъ выстрѣловъ въ сторонѣ къ Икану, а черезъ часъ прискакалъ нарочный киргизъ Аширъ изъ отряда есаула Сѣрова съ донесеніемъ, что, не доходя верстъ 4-хъ до Икана, онъ былъ посланъ

есауломъ впередъ на развѣдки, которыя выяснили значительныя силы коканцевъ у Икана, около 1.000 человѣкъ. Съ этимъ извѣстіемъ его и послалъ сюда есаулъ.

Между тѣмъ выстрѣлы участились. Жемчужниковъ сильно встревожился и разослалъ во всѣ стороны нарочныхъ, чтобы точнѣе опредѣлить мѣсто схватки, но ничего не могъ выяснить, такъ какъ пришлось назначить нарочныхъ изъ жителей, за немѣнимъ джигитовъ-почтарей, ну, а такіе нарочные, вѣроятно, дальше лежащихъ къ крѣпости садовъ не выѣзжали.

Ночью былъ составленъ маленькій военный совѣтъ, на которомъ рѣшено было послать на выручку сотни Сѣрова отрядъ изъ гарнизона.

На другой день были вызваны охотники, и быстро составилъ отрядъ въ 152 человѣка изъ лучшихъ стрѣлковъ. Командиромъ отряда назначенъ подпоручикъ Сукорко, вызвавшійся самъ принять на себя эту миссію, а въ качествѣ помощника къ нему былъ назначенъ подпоручикъ Степановъ. Въ этомъ составѣ, при двухъ единорогахъ, напутствуемый словами Жемчужникова: «зря патроновъ не тратить, быть молодцами», отрядъ бодро тронулся въ походъ. Въ рядахъ слышались слова: «умремъ, а Сѣрова вызволимъ».

Проводивъ отрядъ, подполковникъ Жемчужниковъ раздумался надъ положеніемъ дѣла, и думы одна другой мрачнѣе закружились въ его головѣ. Онъ нервно зашагалъ по комнатѣ и старался дать своимъ мыслямъ болѣе опредѣленное теченіе. Однако, это ему плохо удавалось, и онъ велѣлъ позвать къ себѣ провіантскаго смотрителя, своего друга и совѣтника.

— Ты рассуди, Петровъ, вотъ что: у меня сейчасъ налицо въ гарнизонѣ 300 солдатъ, изъ нихъ часть должна быть опредѣлена, въ случаѣ чего, къ орудіямъ на 8 барьетахъ. Межъ тѣмъ слухи-то скверные, будто регентъ Коканскаго ханства Мулла-Алимулъ и бухарскій эмиръ съ своими войсками норовятъ одновременно напасть на Чечкентъ и Туркестанъ. Что какъ они вотъ теперь, когда узнаютъ, что я отправилъ лучшихъ солдатъ, да нападутъ? А? Какъ ты думаешь—вѣдь искрошатъ насъ?

— Непремѣнно, если нападутъ,—угрюмо отвѣтилъ Петровъ.

— Да, ты думаешь?—подхватилъ Жемчужниковъ.—Ну, такъ вотъ что—садись и пиши. Вотъ карандашъ: «Петръ Логгиновичъ, ежели вы увидите огромныя силы, то, не выручая сотни, вернуться назадъ, дабы дать средства здѣшнему гарнизону». Ну, а теперь давай, подпишу.

Жемчужниковъ торопливо вложилъ записку въ конвертъ и тотчасъ же приказалъ съ нарочнымъ доставить ее подпоручику Сукорко.

Съ пѣснями и барабаннымъ боемъ выступилъ отрядъ Сукорко. Солдаты, уже обстрѣленные подъ Акбулакомъ, весело шагали по мерзлой дорогѣ, и звуки ихъ тяжелыхъ сапогъ звонко отдавались въ морозномъ воздухѣ. Тяжело громыхали смертоносные единороги, заранѣе грозя врагу своими жерлами... Вотъ и сады миновали...

— Ваше бродіе,—подскочилъ взводный къ Сукорко:— нарочный скачетъ за нами.

Подпоручикъ приказалъ остановиться. Нарочный киргизъ торопливо слѣзъ съ лошади, снялъ малахай, вынулъ изъ его подкладки пакетъ и съ поклономъ передалъ его Сукорко. Тотъ прочелъ записку, многозначительно сдвинулъ брови и положилъ бумагу въ карманъ.

Подпоручикъ Степановъ, съ любопытствомъ поглядывая на товарища, ожидалъ, что онъ подѣлится съ нимъ содержаніемъ записки, но Сукорко скомандовалъ: «шагомъ маршъ!» и отрядъ двинулся впередъ.

— Что это за записка?—спросилъ Степановъ, подбѣгая къ Сукорко.

— Ничего особеннаго—приказъ не ввязываться въ неравный бой.

Вскорѣ были замѣчены непріятельскіе пикеты, и въ сторонѣ Икана слышалась пушечная пальба. Отрядъ двигался форсированнымъ маршемъ.

Вдали показалась цѣпь песчаниковъ, изъ-за которыхъ слышались выстрѣлы. Отрядъ направился прямо къ нимъ. Но лишь только онъ приблизился къ подножью, какъ изъ-за холмовъ выпали колонны коканцевъ и моментально окружили отрядъ. Лихо изъ непріятельской цѣпи выскакивали джигиты, галопомъ направлялись къ отряду и на скаку стрѣляли изъ своихъ длинныхъ кремневокъ. Однако, мѣткіе выстрѣлы стрѣлковъ, ссадившіе нѣсколько такихъ храбрецовъ, отбили охоту у коканцевъ близко джигитовать, и непріятельскія колонны, обойдя отрядъ, двинулись по дорогѣ къ крѣпости Туркестану.

Подпоручикъ Сукорко, находя въ этомъ опасный для себя и для крѣпостного гарнизона маневръ, приказалъ отступить къ Туркестану. Такое распоряженіе вызвало недоумѣніе среди солдатъ, и они начали вслухъ высказывать свое недовольство, ссылаясь на то, что сотня уральцевъ находится совсѣмъ близко, вѣроятно (впослѣдствіи оказалось вѣрнымъ это предположеніе), въ одной верстѣ, сейчасъ за холмами, такъ какъ перестрѣлка была отчетливо слышна.

Подпоручикъ Степановъ раздѣлялъ желаніе отряда и попробовалъ уговорить Сукорко пройти, хотя бы еще съ версту до вершины холма.

— Я начальникъ отряда и приказываю отступать,—рѣзко проговорилъ Сукорко—... У меня есть на то приказъ начальства...

Отступление началось подъ огнемъ непріятеля, устраивавшаго постоянныя засады, такъ что пришлось маневрировать съ большими затрудненіями. Одна изъ непріятельскихъ засадъ въ попутной разрушенной крѣпостцѣ дождемъ пуль засыпала отрядъ, но никто не былъ раненъ, кромѣ ротной лошади, находившейся подъ орудіемъ. Стрѣлки бросились на приступъ и выбили непріятеля. Послѣ этого отрядъ, измученный тяжелымъ напраснымъ переходомъ, благополучно прибылъ въ крѣпость, которая уже была обложена шеститысячнымъ отрядомъ непріятеля.

Ночью прискакали въ Туркестанъ два казака изъ отряда Сѣрова и выяснили крайне тяжелое положеніе сотни.

— Держимся,—докладывалъ одинъ изъ нарочныхъ,—въ открытомъ полѣ. Поклади, значится, лошадей, какъ бы въ родѣ вала, да и отстрѣливаемся... А «его» сила страшная... Много убитыхъ въ сотнѣ, больше того раненыхъ...

Немедленно былъ созванъ военный совѣтъ, на которомъ и рѣшено было послать болѣе сильный отрядъ и, во что бы то ни стало, выручить сотню уральцевъ. Однако, оказалось, что это не такъ-то легко сдѣлать—сначала произвели развѣдки, нѣтъ ли гдѣ вблизи непріятельской засады, а тамъ не оказалось готовыхъ телѣгъ, чтобы привезти раненыхъ; пришлось ладить телѣгу, «прискивать хомутъ и прочую упряжь на лошадей, фурштадтскія же батальонныя лошади съ телѣгами были отправлены до этого въ Джулекъ за капустой».

Только въ полдень отрядъ могъ выступить, а къ вечеру соединился съ отрядомъ есаула Сѣрова, который геройски отбивался въ теченіе двухъ дней отъ коканцевъ.

Подпоручикъ Сукорко, по настоянію начальника Ново-Коканской линіи, генералъ-майора Черняева, преданъ суду за то, «что онъ изъ одного постыднаго малодушія своевременно не подалъ помощи уральской сотнѣ есаула Сѣрова, окруженной коканцами подъ мѣстечкомъ Иканомъ, и допустилъ таковую почти до гибели, ибо если бы Сукорко прошелъ съ своимъ отрядомъ еще съ версту впередъ и поднялся бы на возвышенность, то нѣтъ сомнѣнія, что Сѣровъ, увидѣвши прибывшую къ нему помощь, самъ съ сотнею двинулся бы на соединеніе съ нимъ. Это тѣмъ вѣроятнѣе, что на другой день, 6 декабря, есаулъ Сѣровъ съ ослабленной уже сотней, пробился и отступилъ на восьмиверстномъ разстояніи»¹⁾.

Нѣсколько иначе взглянуло на поступокъ подпоручика Сукорко высшее начальство, а именно возвращеніе отряда объяснилось не

¹⁾ Рапортъ военнаго губернатора и командующаго войсками Туркестанской области командующему войсками Западной Сибири, отъ 12 марта 1865 года, за № 988.

малодушіемъ командира, а «приказаніемъ коменданта крѣпости Туркестана и дѣйствительно опаснымъ положеніемъ самого отряда». Мало того, подпоручикъ Сукорко былъ представленъ къ повышенію въ чинъ и къ наградѣ. Это уже окончательно «возмутило» генерала Черняева, и вотъ что онъ писалъ по этому поводу командующему войсками Оренбургскаго края. (Рапортъ отъ 31-го августа 1865 года за № 3512).

«Соглашаясь съ заключеніемъ вашего превосходительства, что офицеръ этотъ (Сукорко), не подавшій помощи отряду есаула Сѣрова и постыдно отступившій передъ непріятелемъ, можетъ и не подлежать отвѣтственности по закону, я, принимая съ другой стороны во вниманіе, что законы чести не всегда могутъ быть подведены подъ статьи дѣйствующихъ законовъ свода военныхъ постановленій, полагаю, что законное оправданіе поручика Сукорко никогда не смоетъ съ него того пятна, которымъ заклеилъ онъ себя постыднымъ поведеніемъ подъ Иканомъ.

«Относительно десяти знаковъ военнаго ордена, имѣю честь сообщить, что такъ какъ чины этого отряда, отступивъ передъ непріятелемъ, не имѣли съ нимъ никакого столкновенія, поэтому никто изъ нихъ и не могъ оказать личной храбрости, которая единственно предоставляетъ право на полученіе этого ордена, то я, затрудняясь раздачей, испрашиваю указаній, чѣмъ руководствоваться въ этомъ случаѣ.

«Что касается до поручика Сукорко, то не считаю себя въ правѣ держать во ввѣренныхъ мнѣ войскахъ, безукоризненно исполняющихъ свой долгъ, такого офицера, который безстрастно оставляетъ на жертву своихъ товарищей, имѣя полную возможность спасти ихъ,—прошу покорнѣйше о переводѣ поручика Сукорко изъ Туркестанской области, которая не существовала бы, если бы всѣ дѣйствовали подобно ему».

Несмотря на такой энергичный протестъ, свойственный пылкой и честной натурѣ генерала Черняева, Сукорко было отличенъ, а равно и знаки отличія розданы въ отрядѣ. Въ такомъ упорномъ отстаиваніи явно неправаго офицера многимъ было понятно, какъ желаніе «досадить» генералу Черняеву, котораго «за его нравъ и успѣхъ недолюбливали». Только единственно, что уважено—это просьба о переводѣ Сукорко изъ Туркестанскаго края.

Когда объ этомъ былъ извѣщенъ генералъ Черняевъ, то на поляхъ бумаги имъ сдѣлана карандашомъ помѣтка: «Позорное дѣло».

Я. Полферовъ.

ВОЕННЫЙ

№ 136

СБОРНИКЪ

ГОДЪ ВОСЬМОЙ

№ 3

МАЙ

1865

Видно
Экспорт
РУССКАГО ГОСУДАРСТВА
Св. Св.
В. Св.

САНКТ-ПЕТЕРБУРГЪ

САНКТ-ПЕТЕРБУРГЪ
1485

нераль-маіора Черныева, заняли Чимкендъ, изъ котораго образовали центръ управленія такъ называвшейся прежде новой коканской линіи, и стали лицомъ къ лицу съ Ташкендомъ, богатымъ, большимъ торговымъ городомъ Коканскаго ханства. Наступила зима, которая и въ тѣхъ странахъ придерживается сѣверныхъ обыкновеній; выпало не мало снѣга, и гарнизоны наши, вмѣсто отдыха послѣ трудовъ дѣлаго лѣта, принялись за устройство своихъ помѣщеній, о которыхъ прежде заботиться было некому и некогда.

Управляющій, за малолѣтствомъ хана, коканскими владѣніями, задорный и предприимчивый мулла Алимкуль, стоялъ съ войсками своими въ Ташкендѣ, и никто ожидать не могъ отъ него такой удачи, какую выказалъ онъ на удивленіе знатоковъ военнаго дѣла.

Въ первыхъ числахъ декабря 1864 года стало извѣстно, что коканскія войска, вмѣстѣ съ предводителемъ своимъ, удалились по направленію къ Кокану. Выводить отсюда заключеній никому и въ голову не пришло, да и ничего бы не вывели: киргизы, бывшіе подданные Кокана, все еще мечтаютъ объ освобожденіи могилы своего святаго Азретъ-султана (изъ Туркестанѣ) да о конечномъ истребленіи *уруссовъ*, по крайней мѣрѣ въ средней Азіи. Стало быть, секрета выдать было некому. Большая часть нашихъ силъ находилась въ Чимкендѣ, вмѣстѣ съ генераломъ Черныевымъ, а въ Туркестанѣ оставалось ихъ немного, только для занятія карауловъ и для кое-какихъ подѣлокъ по укрѣпленіямъ.

Вдругъ, вечеромъ 3-го числа, комендантъ Туркестана получаетъ свѣдѣнія, что около сел. *Чиликъ*, находящагося по дорогѣ къ Чимкенду и въ 63 верстахъ отъ Туркестана, появились партіи показцевъ, съ дѣлюю, повидимому, ограбить не только Чиликъ, но и *Икана*, расположенный ближе къ городу. Появленіе небольшой шапки на пространствахъ между двумя нашими укрѣпленными пунктами, при плохой населенности края, при извѣстной подвижности азіатской кавалеріи и непрямомъ недоброжелательствѣ къ намъ жителей, а въ особенности при безобразномъ политическомъ устройствѣ въ сосѣдней странѣ, было дѣломъ не особенно удивительнымъ, какъ мы, по крайней мѣрѣ, судить могли по тѣмъ даннымъ, какія находились у насъ въ рукахъ. Слѣдовало однако принять мѣры къ огражденію отъ разоренія подвластныхъ намъ жителей Чилика и

Икана и сверхъ того, конечно, разузнать въ чемъ дѣло. Для всего этого нашли возможнымъ и достаточнымъ командировать, на другой день, къ Чилику, подѣ начальствомъ Уральскаго казачьего войска есаула *Сырова*, легкій отрядъ слѣдующаго состава: 2 оберъ-офицера, 5 урядниковъ и 98 казаковъ того же войска, *вооруженныхъ парными оружіемъ*, при одномъ горномъ единорогѣ съ 4 артиллеристами; казакамъ дали по два комплекта патроновъ, а къ единорогу взято 42 заряда. Имѣя въ виду малочисленность туркестанскаго гарнизона, слѣдовательно и опасность, которой могъ подвергнуться отрядъ при встрѣчѣ съ значительными силами непріятеля, Сырову приказано было не вступать въ неравный бой, но отступить въ случаѣ опасности.

Казаки выступили изъ города вскорѣ послѣ обѣда и, узнавъ отъ встрѣчныхъ киргизовъ о занятіи коканцами Икана, пошли далѣе рѣсью, не встрѣчая однако непріятеля и соблюдая всю возможную осторожность. Подѣ вечеръ уже, не доходя четырехъ верстъ до Икана, Сыровъ увидѣлъ вдаль, съ правой стороны деревни, огни; предполагая, что это былъ непріятель, онъ остановилъ отрядъ и выслалъ впередъ одного изъ находившихся при отрядѣ киргизовъ-вожаковъ, для собранія болѣе точныхъ свѣдѣній.

Посланный вернулся немедленно и объявилъ, что, встрѣтивъ вблизи коканскій разбѣдъ, не осмѣлился ѣхать далѣе.

Не зная ничего обстоятельнаго о силахъ непріятеля и въ виду близости ночи, Сыровъ рѣшился отойти на замѣченную имъ въ тылу позицію и тамъ выжидать разъясненія дѣла. Не успѣвъ однако отрядъ отойти съ полверсты, какъ были почти мгновенно окружены толпами непріятеля, отразившими ему отступленіе.

Необходимо замѣтить, что войска, дѣйствующія въ сырдаринскомъ районѣ, особенно казаки, болѣе или менѣе уже привыкшіе къ особенностямъ войны въ той мѣстности, встрѣчались съ значительными партіями непріятеля, инстинктивно считаютъ самымъ удобнымъ дѣломъ спѣшиться и, пользуясь всякими укрытіями, встрѣчать стремительныя атаки конницы противника однимъ огнемъ. Такой образъ дѣйствій, конечно, имѣетъ свои основанія и, главное, подтвержденъ опытомъ; къ подобной встрѣчѣ привыкъ отчасти и непріятель, имѣвшій случай сталкиваться съ уральцами. Не бывавшій въ тѣхъ странахъ

съ трудомъ повѣрить разсказу: „что вотъ тамъ-то и тамъ-то одиннадцать человекъ казаковъ цѣлыми сутки отбивались отъ партіи въ 300, положимъ, конныхъ коканцевъ и таки отбились, заставивъ непріятеля, истомленнаго атаками, обратиться вспять, подобравъ своихъ раненыхъ и убитыхъ“⁴. А между тѣмъ это бывало не разъ, благодаря вышеуказанному способу дѣйствій, разумеется не всегда въ такихъ размѣрахъ и при иныхъ обстоятельствахъ. Случалось, что и коканцы одолевали — на то и въ дѣла — но и тутъ выходило какъ-то по большей части, что или зарядовъ не хватало, или враспахъ поймать. Если же казаки успѣютъ сбавовать (*) лошадей да попысуютъ залечь, то возьмутъ казаковъ развѣ тогда, когда грѣшныя тѣла ихъ почувствуютъ въ себѣ не одну пулю да заморозитъ голодомъ и жаждой.

Опытный выводъ нашихъ сыръ-дарьинцевъ можетъ быть легко оправданъ теоріей: если принять въ расчетъ устройство войскъ, вооруженіе и военныя познанія нашихъ буйныхъ сосѣдей. На хорошихъ лошадяхъ, но весьма часто вооруженные чуть не одними нагайками, если кому недоста- нетъ терпѣнія тащить на плечахъ осмаришину пилу, лично не совсѣмъ храбрые, среднеазиатскіе конники весьма пригодны для нечаянныхъ нападеній, могутъ пройти хоть версты сто въ одну ночь, безъ видимой возможности поѣсть и напоить- ся ранѣ трехъ-четырехъ дней; пригодны они провѣдать, гдѣ что неслowo дежитъ, напасть на дыгающійся беззащитно отрядъ, отогнать табунъ, если за нимъ плохо смотрять, да гвалтъ поднять неосмысленный, ринувшись на засѣвшихъ чѣмъ-нибудь солдатиковъ или казаковъ. Но такихъ качествъ мало для того, чтобы произвести пару хорошихъ повторительныхъ атакъ, или попысуютъ и побезорысуютъ пожертвовать животомъ своимъ на пользу интересовъ края, считаемаго ими за отечество.

Нетрудно послѣ этого допустить, что наши малочисленные отряды могли бы быть, что называется, шайками закиданы со стороны непріятельской иррегулярной конницы, если бы не догадывались поставить имъ сопротивленія, очень неблагоприятнаго образу дѣйствій нашихъ азиатскихъ сосѣдей и составу и устройству ихъ чисто-миллионныхъ войскъ. Вотъ почему казаки наши не считаютъ особеннаго распоряженія къ (*) Особымъ образомъ спугать лошадей.

никъ; они сознаютъ, что съ азіатами безъ добраго ружья ничего не подѣлаешь.

Вернемся къ казачьему отряду, который мы оставили окруженнымъ скопищемъ коканцевъ, на мѣстности мало благоприятной для обороны. Не знаемъ, руководился ли Сыровъ какими-нибудь соображеніями, или воспользовался инстинктивной опытностью казаковъ, только онъ немедленно приказалъ отряду спѣшиться, сбавовать коней и залечь въ небольшую канаву, устроивъ съ открытыхъ сторонъ завалы изъ мѣшковъ съ провѣнтами и фуражемъ. На одномъ изъ фасовъ образовавшагося такимъ образомъ лагера поставленъ былъ единорогъ.

Все это, конечно, сдѣлано было такъ быстро, что толпы непріятеля, приближившіяся, между тѣмъ, къ отряду и встрѣченныя хладнокровными и дружными огнемъ изъ наръзаныхъ ружей и единорога, принуждены были отступить въ болышомъ безпорядкѣ. Неудача первая, и почти всегда самаго запальчиваго у коканцевъ, натиска и урона отъ мѣткаго огня казаковъ имѣли то послѣдствіе, что нѣсколько повторительныхъ атакъ остались безуспѣшными. Отойдя и построившіеся въ густой (въ донесеніи своемъ Сыровъ говорить „иррегулярно“) колонны, коканцы держались вдали отъ лагеря, что и было, вѣроятно, главною причиною невозможности продолжать атаки, такъ какъ атакующимъ толпамъ приходилось, при движеніи на значительномъ пространствахъ, подвергать себя огню наръзаннаго оружія. Во всю ночь непріятель ограничивался стрѣльбою изъ трехъ орудій гранатами, осколками которыхъ убито нѣсколько лошадей, и, сверхъ того, по лагерю открыты были огонь изъ фальконетовъ, снаряды которыхъ много вредили лошадямъ и верблюдамъ, представлявшимъ на открытой мѣстности хорошую цѣль для выстрѣловъ. Изъ ружей дѣйствовали по отряду одни *сарбазы*—регулярная коканская пѣхота, отчасти причинавшая болѣе или менѣе правильному построенію и однообразно одѣтая въ красные халаты, но вооруженная плохими охотничьими пистолетами. Понятно, что выстрѣлы ихъ были для казаковъ болѣе чѣмъ безвредны.

Къ разсвѣту 5-го декабря огонь непріятеля усилился. Гранаты и ядра его стали ложиться въ лагерь въ болѣе чемъ количествѣ, причиня значительный вредъ лошадямъ и оружію. Нѣсколько казаковъ были ранены. Пшія толпы непріятеля за-

мѣсто стали прибывать отъ Икана на усиленіе осаждавшихъ; но огонь ихъ наносилъ мало вреда.

Съ своей стороны, казаки хладнокровно отвѣчали на выстрѣлы противника, направляя огонь преимущественно въ орудія ную прислугу, и, несмотря на затруднительное свое положеніе, сохранили столько энергіи, что просили даже дозволить имъ кинуться въ штыки, что, конечно, было бы дѣломъ чрезвычайно рискованнымъ.

Передъ отрядомъ Сырова, какъ оказалось впоследствии, была вся десяти тысячная (или даже болѣе) армія канакцевъ, подъ начальствомъ Алимкула, съ орудіями и пѣхотой, пробравшаяся лѣвнымъ берегомъ замерзшей Сыръ-Дарьи, мимо Чимкента, прямо къ Туркестану.

Обходное движеніе такой массы должно признать замѣтательнымъ, особенно если припять въ расчетъ то, что при ней находились тяжести, орудія и снаряды, пѣхота и, безъ сомнѣнія, кое-какіе запасы. Сверхъ того, войско шло зимою, съ наибольшей быстротой, необходимой для сохраненія тайны, безъ которой оно подвергалось если не совершенному отрязанію, то, по крайней мѣрѣ, значительной потерѣ, если бы генералъ Черняевъ направился внизъ по рѣкѣ Арысу на путь отступленія Алимкула. Какимъ образомъ двигалась эта масса, какія средства употребляла она на подъемъ своихъ тяжестей и какихъ усилий стоило ей успешное появленіе передъ самымъ Туркестаномъ—неизвѣстно; но, судя по знакомой намъ безцеремонности азіатскихъ владѣтѣль, можно думать, что такое движеніе не дешево обошлось попутнымъ ауламъ. Во всякомъ случаѣ, движеніе Алимкула могло кончиться для Туркестана весьма плохо, и всякія пошертванія канакцевъ окупались бы непремѣнно сторицею, если бы не стойкость казаковъ Сырова, державшихъ Алимкула слишкомъ долго въ виду города.

Весь день 5-го декабря уральцы продолжали держаться въ своихъ завадахъ съ прежнею энергіей, рассчитывая на помощь изъ Туркестана (куда изъ отряда пробрались два казака съ донесеніемъ) и хладнокровно отстрѣливались. Въ однорогъ, послѣ восьми выстрѣловъ, допнуло одно колесо, но находчивость фейерверкера Грѣхова пособила горю: сняты были колеса съ ящика и съ помощью веревокъ прикрѣплены въ короткимъ осажъ лацета такъ, что орудіе могло продолжать стрѣльбу, даже при передвиженіи его съ мѣста на мѣсто, ко-

нечно на рукахъ. Казаки съ большимъ усердіемъ помогали артиллеристамъ и, когда послѣдніе были уже всѣ переранены, сами принялись работать, сберегая однако выстрѣлы изъ орудія до послѣдней крайности.

Можно вообразить себѣ, до какого раздраженія дошли канакцы, видя передъ собою горсть русскихъ, перепортившихъ имъ весь успѣхъ такъ хорошо задуманнаго и почти уже наполовину исполненнаго предположенія. Боясь атаковать лагерь открытою силой, они принялись свозить камышъ и мелкій дѣсь, изъ котораго стали строить что-то въ родѣ мантелетовъ и щитовъ на двухколесныхъ арбахъ, съ дѣлю ближе подниматься къ отряду и укрыть себя сколько-нибудь отъ убійственнаго огня уральцевъ. Работы и стрѣльба продолжались до ночи.

Около двухъ часовъ пополудни того же числа, со стороны Туркестана послышались пушечные и ружейные выстрѣлы отряда, посланнаго на помощь Сырову въ составѣ 150 человѣкъ пѣхоты при двухъ орудіяхъ. Но надежды казаковъ на этотъ разъ не оправдались: отрядъ, окруженный канакцами въ трехъ перстахъ отъ лагеря, отступилъ въ городъ.

Чтобы объяснить столь грустное для казаковъ обстоятельство, считаемъ необходимымъ сказать, что еще съ пяти часовъ пополудни 4-го числа въ Туркестанѣ слышались живую перестрѣлку подъ Иканомъ, но о числѣ непріятеля, равно и о положеніи сотни, ничего точнаго не знали. Откомандировывать же сильный отрядъ на помощь казакамъ въ то время, когда въ городѣ съ 10,000 жителей, имѣлось лишь самое небольшое количество войскъ, казалась дѣломъ весьма рискованнымъ; между тѣмъ, продолжительная и постоянно усиливавшаяся орудіяная и ружейная пальба подъ Иканомъ заставляла думать, что непріятель многочисленъ и что у казаковъ, если дѣло протянется, можетъ оказаться недостатокъ въ патронахъ. Принимая все это въ соображеніе, начальнику высланнаго въ бой съ значительными силами канакцевъ, особенно если замѣчено будетъ, что непріятель направляется къ городу. Не доходя, какъ сказано, трехъ или четырехъ верстъ до позиціи казаковъ, отрядъ, дѣйствительно, встрѣтилъ болѣе дѣйствующую массу противника и вслѣдъ затѣмъ увидѣлъ себя окруженнымъ канакцами, очевидно подвигавшимися, въ обходъ отряда, прямо

къ Туркестану. Это и было причиною немедленного отступления отряда. Въ четыре часа пополудни, коканцы были уже подъ стѣнами города, и отрядъ могъ войти въ него только пробившись силою сквозь нѣсколько засадъ непріятеля.

Коканцы сейчасъ же воспользовались отступленіемъ пѣхоты, чтобы напугать казаковъ: они послали имъ письмо съ предложеніемъ объ уничтоженіи отступившаго отряда и съ предложеніемъ сдачи на условіяхъ вѣчнаго за это благорасположенія. Посланіе, какъ рассчитывалъ Алимкулъ, быть можетъ, и заставило бы казаковъ призадуматься; но ихъ доблестный командиръ рѣшился держаться до послѣдней крайности. Уралъцы, ободренные его примѣромъ, бойко приняли за дѣло и къ ночи успѣли подбѣжать нѣсколько новыхъ заваловъ изъ убитыхъ лошадей и верблюдовъ. До утра все было спокойно.

Утромъ 6-го декабря непріятель имѣлъ до 16 пѣхоты, подъ прикрытіемъ которыхъ онъ, повидимому, готовился окончательно атаковать лагерь. Не теряя еще надежды на помощь и чтобы протянуть время, Сѣровъ вступилъ въ переговоры съ Алимкуломъ и тѣмъ выигралъ болѣе часу. Когда же переговоры кончились, коканцы открыли по казакамъ жестокой огонь и бросились въ атаку. Первый натискъ и послѣдовавшее за нимъ три другихъ были отражены весьма удачно; но выстрѣлами непріятеля перебиты были всѣ лошади и изъ строя выбыло убитыми: 3 урядника, 33 казака и 1 фуриатскій солдатъ, ранеными: 4 артиллериста и нѣсколько казаковъ.

Во все время атакъ казаки вели себя молодцами; но отрядъ былъ уже такъ слабъ, что держаться до прибытія помощи не представлялось никакой возможности. Оставалось рѣшиться на послѣднее средство: пробиться сквозь ряды тысячной непріятельской конницы или пастъ. Сѣровъ предложилъ своимъ казакамъ пробиваться. Заклепавъ единорогъ, она единодушно, съ крикомъ „ура!“, бросились въ среду коканцевъ.

Какимъ образомъ десяти тысячной массѣ не удалось задвинуть и истребить три-четыре десятка пѣхоты казаковъ, измученныхъ трехдневнымъ упорнымъ боемъ, израненныхъ, обезсиленныхъ и голодныхъ—объяснить это можно развѣ только тѣмъ, что отчаянная рѣшимость уралъцевъ, владѣвшихъ еще своими ружьями, ошеломила коканцевъ. Въ самомъ дѣлѣ, они не посмѣли приблизиться къ казакамъ и только провожали ихъ сильными огнемъ на протяжении почти всѣхъ восьми верстѣ. Взявшеице

азіаты излили всю свою месть на тяжело раненныхъ, оставленныхъ на дорогѣ: въ плазахъ отряда, ихъ рубили шанками и отсѣкали имъ головы. Легко раненые—имѣвшіе, впрочемъ, лѣтъ, которые по 5—6 ранъ—шли, поддерживая другъ друга и по возможности принимая участіе въ оборонѣ до тѣхъ поръ, пока совершенно обезсиленные не соединились съ новымъ отрядомъ, высланнымъ на встрѣчу изъ Туркестана и спасшимъ остатки этой геройской сотни.

Вся потеря казаковъ въ дѣлѣ подъ Иканомъ оказалась:

	УБИТЫМИ.	РАНЕНЫМИ.
Офицеровъ	1	1 (*)
Урядниковъ	4	1
Казаковъ	50	36
Артиллеристовъ	„	4
Фельдшеръ	1	„
Фуриатъ	1	„
Воякъ изъ киргизовъ	„	1
Всего	57	43

Коканцы очистили окрестности города и стали отступать. Долго не забудутъ они Ивана и Сѣровской сотни: имъ не только не удалось, со всею своею арміею, вытѣснить или истребить русскихъ, но они заплатились потерю многихъ своихъ людей. Слухъ о грозномъ русскомъ оружіи разнесся далеко и не останется безплоднымъ для пользы нашихъ предпріятій въ сѣвѣ Сѣра и Аму.

Государь Императоръ щедро награждалъ оставшихся въ живыхъ казаковъ: всѣ они получили георгіевскіе кресты. Пріятно было бы, если бы и Россія вполне оцѣнила подвигъ уралъцевъ: болѣе половины сотни пало для спокойствія отдаленныхъ предѣловъ имперіи и для упроченія будущихъ выгодъ отъ удвоеннаго вліянія нашего въ глубинѣ средней Азіи.

Въ военномъ отношеніи подвигъ уралъцевъ можетъ, между прочимъ, обратить вниманіе военныхъ людей на пользу и необходимость хорошаго огнестрѣльнаго оружія въ дѣлахъ даже такого рода, какъ стычки наши съ средне-азіатскими джигитами. Передавая подробности дѣла подъ Иканомъ, мы хотѣли показать что можетъ сдѣлать одна казачья сотня, вооруженная на-

(*) Сѣровъ, получившій рану и контузію.

